

О.В. Миллер

«Пророк»

Одно из последних и наиболее значительных стихотворений Лермонтова (1841), завершающее в его творчестве тему поэта. Метафорическое изображение поэта-гражданина в образе пророка характерно для декабристской поэзии (Ф.Н. Глинка, В.К. Кюхельбекер). Та же метафора (но в философски обобщенном плане) развертывается в одноименном стихотворении Пушкина, полемическим ответом на которое в известной мере явилось стихотворение Лермонтова. Для Пушкина взаимоотношения поэта-пророка и тех, к кому обращено его слово, определяются свойствами самого пророка: он наделен своим исключительным даром и уже в силу этого способен «глаголом жечь сердца людей». Пушкин обычно делает упор на независимости поэтического вдохновения и творчества от мнения «толпы» (см. также его стихотворения «Поэт», «Поэт и толпа», «Поэту»), хотя и пушкинский поэт отнюдь не безразличен к тому, какой «отзыв» находит его слово в народе (см. «Эхо», «Памятник»). У Лермонтова тема поэта — это всегда тема «поэт и общество», тема активных и часто враждебных взаимоотношений творческой личности с окружающей средой (см. «Смерть поэта»). Гонимый пророк — устойчивый образ в лирике Лермонтова (ср. «осмеянный пророк» в стихотворении «Поэт», а также слова Писателя из стихотворения «Журналист, читатель и писатель»: «К чему толпы неблагодарной / Мне злость и ненависть навлечь, / Чтоб бранью назвали коварной / Мою пророческую речь?»).

В стихотворении «Пророк» свое развитие «пушкинской» темы Лермонтов подчеркнуто начинает именно с того момента, на котором остановился его предшественник: «С тех пор, как вечный судия / Мне дал всеведение пророка...». И вот, показывает Лермонтов, судьба того, кто, вняв «гласу бога», явился в мир «глаголом жечь сердца людей» (или, в лермонтовской конкретизации, «провозглашать... любви и правды чистые ученья»): «В меня все ближние мои / Бросали бешено камня». Пушкинскому пророку (после того, как божественное призвание освободило его от человеческих слабостей) в равной мере открыт как природный, так и человеческий мир; лермонтовскому внемлет лишь мирная, не знающая людских пороков природа («И звезды слушают меня, / Лучами радостно играя»); «шумный град» же встречает его насмешками «самолюбивой» пошлости, неспособной понять высокого, аскетического инакомыслия. Таким образом, в соответствии со всем духом творчества Лермонтова тема «пророка» раскрывается им как трагическая. Она весьма многогранна: это и образ общества, враждебного «любви и правде», и образ страдающей в таком обществе свободной творческой личности, и мотив трагической разобщенности интеллигенции и народа, их взаимного непонимания.

Различие трактовки темы поэта у Пушкина и Лермонтова сказалось и в самом облике пророка. В отличие от Пушкина, наделившего его сверхъестественными свойствами, Лермонтов вносит в описание своего героя простые человеческие черты, даже бытовые подробности: он худ, бледен, одет в рубище, он торопливо пробирается через город, слыша за спиной оскорбительные возгласы. Лермонтов намеренно отказывается от торжественной приподнятости стихотворения Пушкина, насыщенного славянизмами и архаизмами, и с большим искусством сочетает в своем стихотворении черты библейского стиля с простотой слога, разговорными интонациями. «Пророк» — одна из вершин лермонтовской лирики. Каждая фраза стихотворения опирается на библейское сказание и одновременно имеет острый злободневный смысл, поэтически точна, конкретна и вместе с тем символически многозначна. Стихотворная речь с исключительной естественностью укладывается в рамки четкой строфической организации.

Возникновение стихотворения, по-видимому, связано со спорами, которые Лермонтов вел с В.Ф. Одоевским по вопросам философии и поэзии. На первом листе записной книжки, подаренной им поэту перед отъездом на Кавказ, Одоевский написал несколько евангельских изречений. Одно из них (из апостола Павла) касалось темы пророка и соответствовало религиозно-просветительским взглядам Одоевского: «Держитесь любви, ревнуйте же к дарам духовным да пророчествуете. Любовь николи отпадает». Можно предполагать, что эта цитата была непосредственным импульсом к созданию остро-полемиического по отношению к ней стихотворения.

Белинский относил «Пророка» к «лучшим созданиям» Лермонтова: «Какая глубина мысли, какая страшная энергия выражения! Таких стихов долго, долго не дожидаться России!..» Воздействие этого стихотворения сказалось в творчестве многих поэтов. А.Н. Плещеев в стихотворении «Дума» (1844) использовал мотивы стихотворения Лермонтова («Когда ж среди толпы является порою / Пророк с могучею, великою душою, / С глаголом истины священной на устах. — / Увы, отвержен он!»). Те же отзвуки можно услышать и в стихотворении Некрасова «Блажен незлобивый поэт...» (1852).